

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ 20–50-х годов XX века В ЕЕ МАРКЕМОЛОГИЧЕСКОМ ОТОБРАЖЕНИИ

А. В. Кашкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 октября 2012 г.

Аннотация: статья представляет собой один из этапов маркемного анализа русской поэзии – маркемологическую характеристику поэзии 20–50 гг. XX в. Различные количественные методы, такие, как кластерный анализ, используются для получения цельной картины языка русской поэзии этого периода.

Ключевые слова: маркемный анализ, маркема, индекс тематической маркированности, кластерный анализ.

Abstract: the paper represents a stage in markeme analysis of Russian poetry – the markemological description of poetry of 1920s–1950s. The research employs various quantitative approaches, such as cluster analysis, to obtain the complete picture of Russian poetic language of this period.

Key words: markeme analysis, markeme, index of thematic markedness, cluster analysis.

В данной статье рассматриваются результаты одного из этапов широкомасштабного исследования русской поэзии с помощью маркемологии. Маркемология, или маркемный анализ, – методика изучения крупных массивов художественных текстов, предложенная А. А. Кретовым. Данный метод базируется на понятиях маркемы и индекса тематической маркированности (ИнТеМ) – величина, зависящая от частоты встречаемости слова в тексте и его длины в звуках. Маркемы – существительные, удовлетворяющие ряду лексико-грамматических критериев, подробно изложенных в ряде статей [1–3]. Процесс маркемного исследования творчества какого-либо автора заключается в выявлении в массиве используемой им лексики 50 маркем, имеющих максимальный ИнТеМ.

Для выявления единых закономерностей языка поэзии некоторого хронологического среза проводится сравнение списков маркем отдельных авторов с суммированием ИнТеМ совпадающих маркем. В результате можно не только качественно оценить характерную для периода маркемную лексику, но и получить ряд количественных параметров: суммарный ИнТеМ для каждой из использованных поэтами этого периода маркем, число авторов, употребивших ту или иную маркему, численность индивидуальных маркем (встречающихся не более чем у одного автора).

Степень сходства авторов между собой можно установить при помощи коэффициентов корреляции. Для вычисления этой величины прежде всего необ-

ходимо нормировать ИнТеМ маркем каждого из сравниваемых поэтов, воспользовавшись формулой

$$\text{ИнТеМ}_{\text{норм}_i} = \text{ИнТеМ}_i \cdot \frac{1}{\sqrt{\sum_{i=1..50} (\text{ИнТеМ}_i)^2}}$$

Затем нормированные индексы совпадающих маркем перемножаются. Сумма таких произведений соответствует коэффициенту корреляции авторов. На основании этого показателя можно определить расстояния между авторами (1 – коэф. кор.). Матрица расстояний между всеми представителями поэзии какого-либо хронологического среза дает возможность провести кластерный анализ – построить дерево кластеризации при помощи программы Statistica. Данный метод уже использовался в ряде работ, посвященных маркемному анализу русской литературы [4].

Цель нашей работы – изучение русской поэзии 20–50 гг. XX в. Анализ был проведен на материале входящих в данный временной промежуток произведений 15 авторов: Н. Н. Асеева, Э. Г. Багрицкого, О. Ф. Берггольца, А. И. Введенского, Н. А. Заболоцкого, М. В. Исаковского, Д. Б. Кедрина, С. И. Кирсанова, Б. А. Ручьёва, М. А. Светлова, И. Л. Сельвинского, К. М. Симонова, А. Т. Твардовского, Д. И. Хармса, В. Т. Шаламова.

20–50-е гг. XX в. – непростой период для русской литературы и культуры в целом. На этот период приходятся и Великая Отечественная война, и сталинские репрессии. Начало 20-х гг. является рубежным периодом, точкой перехода от Серебряного века к новой литературе, новой тематике, новым художественным средствам. Несмотря на катастрофические изменения

в жизни страны и жесткие цензурные ограничения, литература 20–50 гг. XX в. отличается разнообразием. Это и синтез реализма с романтизмом (характерный, в частности, для Э. Г. Багрицкого), и экспериментирование со всеми возможными стилями и приемами (С. И. Кирсанов), и обращение к исторической тематике (Д. Б. Кедрин), и нестандартное творчество обэриутов (Д. И. Хармс, А. И. Введенский, Н. А. Заболоцкий), и песни, близкие к народным (М. В. Исаковский), и множество других тенденций. Рассмотрим, как поэтическое многообразие 20–50-х гг. XX в. отражается на маркемном составе языка поэзии.

Прежде всего сопоставим списки всех употреблявшихся в данном хронологическом срезе маркем, упорядоченные по суммарному ИнТеМ и по числу использовавших маркему авторов. Сравним маркемы, встречающиеся более, чем у десяти авторов (табл. 1), с десятью первыми по величине суммарного ИнТеМ маркемами (табл. 2).

Лексемы, входящие в первый из приведенных списков и не входящие во второй, представляют собой маркемы, типичные для русской поэзии как таковой. В данном случае это *время, земля, ветер, солнце, голос, слово, смерть, счастье, жизнь, звезда, любовь*. Интересно, что из этих маркем четыре представляют собой натурфакты (*ветер, солнце, звезда, земля*), а три обозначают фундаментальные понятия (*время, смерть, жизнь*) (о классификации маркем см.: [5]). Многие из слов в данной группе (прежде всего *любовь, счастье*), отличаясь большим числом авторов, использующих маркему на протяжении всех исследованных ранее периодов развития русской поэзии, в некоторых из них имеют и высокий суммарный ИнТеМ. Снижение данного показателя в изучаемом хронологическом срезе может быть обусловлено, прежде всего, трудным в жизни страны периодом (репрессии, Великая Отечественная война). К маркемам, не попадающим в первый список, но входящим

Т а б л и ц а 1

Маркемы, встречающиеся более, чем у десяти поэтов 20–50-х гг. XX в.

Авторы	Маркема	Число авторов
ВСЕ	Время	15
ВСЕ	Глаза	15
ВСЕ	Земля	15
ВСЕ	Сердце	15
ВСЕ	Солнце	15
ВСЕ	Человек	15
ШАЛ, ИСА, РУЧ, СВЕ, АСЕ, ХАР, ВВЕ, СЕЛ, БАГ, КЕД, БЕР, ЗАБ, СИМ	Ветер	14
ШАЛ, ИСА, РУЧ, КИР, АСЕ, ХАР, ВВЕ, СЕЛ, БАГ, КЕД, БЕР, ЗАБ, СИМ, ТВА	Слово	14
ИСА, РУЧ, КИР, АСЕ, ХАР, ВВЕ, СЕЛ, БАГ, КЕД, БЕР, ЗАБ, СИМ, ТВА	Голос	13
ИСА, РУЧ, КИР, АСЕ, ХАР, ВВЕ, СЕЛ, БАГ, КЕД, БЕР, ЗАБ, СИМ, ТВА	Смерть	13
ШАЛ, РУЧ, СВЕ, КИР, АСЕ, ХАР, ВВЕ, БАГ, БЕР, ЗАБ, СИМ, ТВА	Разговор	12
ШАЛ, ИСА, РУЧ, СВЕ, КИР, АСЕ, СЕЛ, КЕД, БЕР, ЗАБ, СИМ, ТВА	Счастье	12
ШАЛ, КИР, АСЕ, ХАР, ВВЕ, СЕЛ, БАГ, КЕД, БЕР, ЗАБ, СИМ	Воздух	11
ИСА, РУЧ, КИР, АСЕ, ХАР, СЕЛ, КЕД, БЕР, ЗАБ, СИМ, ТВА	Жизнь	11
ИСА, РУЧ, СВЕ, КИР, ВВЕ, СЕЛ, БАГ, КЕД, БЕР, ЗАБ, СИМ	Звезда	11
ИСА, РУЧ, СВЕ, КИР, ХАР, СЕЛ, БАГ, КЕД, БЕР, СИМ, ТВА	Любовь	11

Условные обозначения

АСЕ	Н. Н. Асеев	ИСА	М. В. Исаковский	СЕЛ	И. Л. Сельвинский
БАГ	Э. Г. Багрицкий	КЕД	Д. Б. Кедрин	СИМ	К. М. Симонов
БЕР	О. Ф. Берггольц	КИР	С. И. Кирсанов	ТВА	А. Т. Твардовский
ВВЕ	А. И. Введенский	РУЧ	Б. А. Ручьев	ХАР	Д. И. Хармс
ЗАБ	Н. А. Заболоцкий	СВЕ	М. А. Светлов	ШАЛ	В. Т. Шаламов

Т а б л и ц а 2

Маркемы, имеющие максимальный суммарный ИнТеМ

Маркема	СумИнТеМ
Человек	3,490222
Разговор	2,879423
Сердце	2,458519
Солнце	2,370176
Молодость	1,6335
Воздух	1,610434
Вдохновение	1,520814
Бессмертие	1,508486
Глаза	1,436721
Пространство	1,38908

во второй, относятся *молодость, вдохновение, бессмертие, пространство*. Такое положение перечисленных маркем объясняется, с одной стороны, их значительной длиной, а с другой – отображением в этих лексемах специфических черт отдельных авторов, направлений, определенной тематики. Маркемы, занимающие высокое положение и по числу авторов, употребляющих лексему, и по суммарному ИнТеМ, (*человек, разговор, сердце, солнце, воздух, глаза*) играют важную роль в русской поэзии с точки зрения как синхронии, так и диахронии. Необходимо также отметить крайне существенное (шесть слов) число маркем, употребляемых всеми авторами, что свидетельствует о высокой степени единообразия маркемной лексики. Для определения значимости маркем в конкретном исследуемом периоде (20–50-х гг. XX в.) рассмотрим список маркем, упорядоченных по произведению ИнТеМ и числа употребивших слово авторов (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Маркемы, упорядоченные по произведению суммарного ИнТеМ и числа употребивших маркему авторов

Маркема	СумИнТеМ · Авт	Маркема	СумИнТеМ · Авт
Человек	52,35333	Родина	5,406204
Сердце	36,87778	Тишина	5,042604
Солнце	35,55264	Рассвет	4,774303
Разговор	34,55307	Пространство	4,167239
Глаза	21,55082	Жизнь	4,044334
Земля	18,07458	Голова	4,044094
Время	17,78646	Радость	3,994289
Воздух	17,71478	Простор	3,838929
Ветер	16,69119	Здоровье	3,456105
Страна	13,36794	Ответ	3,185457
Смерть	12,89714	Красота	2,677884
Слово	12,87327	Память	2,611317
Звезда	12,65373	Молчание	2,560934
Голос	12,5065	Бессонница	2,528372
Молодость	11,4345	Весна	2,478394
Дорога	9,088679	Вопрос	2,409531
Любовь	8,070167	Проклятие	2,276833
Мгновение	7,617173	Камень	2,186022
Бессмертие	7,542428	Месяц	2,15211
Вечер	7,513063	Цветок	2,09208
Детство	7,421232	Торжество	1,826517
Народ	6,963114	Усталость	1,766453
Взгляд	6,13232	Свет	1,654914
Вдохновение	6,083256	Одиночество	1,625427
Юность	5,567086	Желание	1,547046

Численность индивидуальных маркем у поэтов 20–50-х гг. XX в.

Автор	Число маркем
АСЕ	11
БАГ	7
БЕР	3
ВВЕ	11
ЗАБ	3
ИСА	5
КЕД	11
КИР	7
РУЧ	6
СВЕ	6
СЕЛ	13
СИМ	7
ТВА	11
ХАР	8
ШАЛ	17
Среднее	7,6

В первую десятку по данному показателю входят *человек, сердце, солнце, разговор, глаза, земля, время, воздух, ветер, страна*, являющиеся, таким образом, наиболее значимыми маркемами в 20–50-х гг. XX в. В этой выборке доминирующее положение занимает категория натурфактов (пять из десяти слов). В полученном списке маркем, упорядоченном по произведению, можно выделить отдельные маркемные группы. Одной из наиболее крупных здесь оказывается категория фундаментальных понятий (*человек, время, смерть, жизнь, бессмертие, пространство*). Такая характерная для поэзии в целом маркемная группа, как эмоциональные маркемы, в период 20–50-х гг. XX в. выражена сравнительно слабо (*сердце, радость*). Невелико число маркем, описывающих взаимоотношения людей (*любовь, одиночество*).

Несколько крупнее группа лексем, связанных с мышлением и интеллектом (*взгляд, вдохновение, память*). Присутствует здесь и весь спектр малообъемных маркемных групп, относящихся к человеку как биологическому объекту: лексика, описывающая внешность (*глаза, голова*), физическое состояние (*здоровье, бессонница*), возраст (*молодость, детство, юность*). Другая малая группа – маркемы, описывающие чувственно воспринимаемые свойства окружающего мира (*тишина, свет*). Также можно выделить ряд слов, связанных с патриотической тематикой, занимающей существенное место в творчестве большинства авторов исследуемого хронологического среза (*родина, народ, страна*). Исключительно развитой в маркемной картине 20–50-х гг. XX в. представляется группа коммуникативных маркем (*разговор, слово, голос, ответ, вопрос, молчание*). Еще одной значительной по объему группой закономерно является занимающая центральное положение в маркемных списках всех представителей рассматриваемого хронологического среза категория натурфактов (*земля, ветер, цветок, весна, камень, рассвет, месяц, солнце, звезда*).

Рассмотрим отдельных поэтов 20–50-х гг. с точки зрения численности индивидуальных маркем (табл. 4). Среднепериодический показатель их числа довольно невысок – 7, 6. Это может свидетельствовать о большей общности поэзии исследуемого хронологического среза в области тематики, о значительной степени единства литературных течений. Минимальное число индивидуальных маркем в 20–50-х гг. XX в. отмечено у О. Ф. Берггольца, Н. А. Заболоцкого (три слова), М. В. Исаковского (пять слов). Таким образом, в маркемном составе языка поэзии указанных авторов находят отражение все основные черты литературы рассматриваемого хронологического среза. Наибольшее число индивидуальных маркем выявлено в маркемных списках В. Т. Шаламова (17 слов), являющегося специфичным для изучаемого периода автором также и по другим параметрам своей маркемной

системы (в частности, по составу и объему ряда маркемных категорий). Другие поэты 20–50-х гг. XX в. с числом индивидуальных маркем, существенно превышающим среднепериодический показатель – Н. Н. Асеев (11 слов), А. И. Введенский (11 слов), Д. Б. Кедрин (11 слов), А. Т. Твардовский (11 слов), И. Л. Сельвинский (13 слов). Каждый из перечисленных авторов в определенном смысле нестандартен: так, в поэзии Н. Н. Асеева проявляется и влияние творчества В. В. Маяковского, и интерес к фольклору, А. И. Введенский принадлежал к довольно своеобразному литературному направлению – обэриутам.

Степень сходства авторов в области маркемной лексики можно проследить по коэффициентам корреляции (табл. 5). Типичность/нетипичность поэта для какого-либо периода может быть определена на основании суммы этих коэффициентов. Наиболее высокие места по этому показателю занимают Б. А. Ручьев (первое место, 5,671795), А. Т. Твардовский (второе место, 5,30101), К. М. Симонов (третье место, 5, 26233), О. Ф. Бергголец (четвертое место, 5, 117867). Интересно, что из перечисленных поэтов только О. Ф. Бергголец отличается малым числом индивидуальных маркем. А. Т. Твардовский, напротив, относится к авторам, численность индивидуальных маркем у которых значительно выше среднепериодического показателя. Такого рода несоответствие отмечается и среди поэтов 20–50-х гг. XX в., имеющих минимальную сумму коэффициентов корреляции с другими представителями этого хронологического среза. К ним относятся В. Т. Шаламов (15-е место,

Таблица 5

Коэффициенты корреляции поэтов 20–50-х гг. XX в.

ПОЭТ	ШАЛ	ИСА	РУЧ	СВЕ	КИР	АСЕ	ХАР	ВВЕ	СЕЛ	БАГ	КЕД	БЕР	ЗАБ	СИМ	ТВА
ШАЛ	1	0,171669	0,181612	0,376087	0,240498	0,182817	0,17531	0,148887	0,121777	0,11963	0,193107	0,200008	0,452396	0,236272	0,21749
ИСА	0,171669	1	0,455452	0,26797	0,305681	0,359706	0,188362	0,21698	0,266969	0,199665	0,375475	0,417626	0,26851	0,324941	0,31009
РУЧ	0,181612	0,455452	1	0,397961	0,555722	0,386372	0,39402	0,328467	0,358178	0,331525	0,523104	0,448118	0,261776	0,466209	0,583279
СВЕ	0,376087	0,26797	0,397961	1	0,386895	0,284284	0,162556	0,163958	0,16326	0,203893	0,437416	0,305186	0,425649	0,342602	0,26862
КИР	0,240498	0,305681	0,555722	0,386895	1	0,393371	0,340665	0,344752	0,273168	0,268928	0,477059	0,309832	0,282483	0,438053	0,439369
АСЕ	0,182817	0,359706	0,386372	0,284284	0,393371	1	0,307375	0,28408	0,31705	0,459327	0,426191	0,474214	0,254783	0,394034	0,439882
ХАР	0,17531	0,188362	0,39402	0,162556	0,340665	0,307375	1	0,488137	0,249014	0,299999	0,288249	0,293084	0,316135	0,378785	0,436265
ВВЕ	0,148887	0,21698	0,328467	0,163958	0,344752	0,28408	0,488137	1	0,216047	0,299358	0,283136	0,259741	0,310762	0,387649	0,397158
СЕЛ	0,121777	0,266969	0,358178	0,16326	0,273168	0,31705	0,249014	0,216047	1	0,330399	0,339709	0,337753	0,201838	0,269906	0,281907
БАГ	0,11963	0,199665	0,331525	0,203893	0,268928	0,459327	0,299999	0,299358	0,330399	1	0,281128	0,594335	0,245077	0,370123	0,32093
КЕД	0,193107	0,375475	0,523104	0,437416	0,477059	0,426191	0,288249	0,283136	0,339709	0,281128	1	0,363139	0,228918	0,359463	0,400532
БЕР	0,200008	0,417626	0,448118	0,305186	0,309832	0,474214	0,293084	0,259741	0,337753	0,594335	0,363139	1	0,271821	0,459235	0,383774
ЗАБ	0,452396	0,26851	0,261776	0,425649	0,282483	0,254783	0,316135	0,310762	0,201838	0,245077	0,228918	0,271821	1	0,297867	0,284523
СИМ	0,236272	0,324941	0,466209	0,342602	0,438053	0,394034	0,378785	0,387649	0,269906	0,370123	0,359463	0,459235	0,297867	1	0,537191
ТВА	0,21749	0,31009	0,583279	0,26862	0,439369	0,439882	0,436265	0,397158	0,281907	0,32093	0,400532	0,383774	0,284523	0,537191	1

3, 017561), И. Л. Сельвинский (14-е место, 3,426976), Н. А. Заболоцкий (13-е место, 4,102538), М. В. Исаковский (12-е место, 4,129096). Если И. Л. Сельвинский и В. Т. Шаламов входят в число авторов с исключительно большой численностью индивидуальных маркем, то Н. А. Заболоцкий и М. В. Исаковский, напротив, отличаются крайне малой их численностью. Наблюдаемое расхождение может объясняться тем, что величина коэффициентов корреляции зависит не только от процента совпадений в маркемном составе языка поэзии, но и от значимости данных маркем как с точки зрения маркемной лексики сопоставляемых авторов, так и для исследуемого временного промежутка в целом. Количественным показателем роли маркемы для поэта и периода в данном случае является нормированный ИнТеМ. Поэтому авторы с меньшим числом совпадающих лексем могут иметь больший коэффициент корреляции, если их маркемные списки сходятся в области наиболее значимых маркем (занимающих высокие позиции в общепериодических списках, упорядоченных по СумИнТеМ, числу использовавших маркему авторов, произведению этих параметров, а также часто попадающих в число наиболее употребительных у отдельных поэтов). В целом, сопоставляя сумму коэффициентов корреляции с численностью индивидуальных маркем, можно сказать, что наиболее типичными представителями поэзии 20–50-х гг. XX в. являются О. Ф. Бергольц, Б. А. Ручьев, К. М. Симонов, а максимально

специфичными – В. Т. Шаламов, И. Л. Сельвинский.

На основании данных о коэффициентах корреляции различных представителей поэзии 20–50-х гг. XX в. друг с другом можно провести кластерный анализ. На дереве кластеризации (рисунок) наиболее значительно отстоит от других представителей поэзии 20–50-х гг. XX в. И. Л. Сельвинский, что может быть связано с рядом особенностей его творчества. Прежде всего он возглавлял литературную группу конструктивистов, основные идеи которой заключались в подчинении метафор, образов и рифм (а следовательно, лексики) главной теме произведения. Кроме того, в творчестве И. Л. Сельвинского значительное место занимают эпос и драма, обращение к исторической тематике. Он также стремится к эксперименту, использованию нестандартных приемов в своем творчестве. Всё это и приводит к столь существенному расхождению маркемной лексики И. Л. Сельвинского с общепериодическими нормами. Другим существенно выделяющимся из общей массы автором оказывается М. В. Исаковский, несмотря на малое число индивидуальных маркем. Возможно, это обусловлено преимущественной «песенностью» поэтического наследия М. В. Исаковского, его тесной связью с фольклором, традициями, что может выражаться в некоторой «простоте», отчасти архаичности поэтического языка. Остальные поэты 20–50-х гг. XX в. разделяются на две не равные по объему группы.

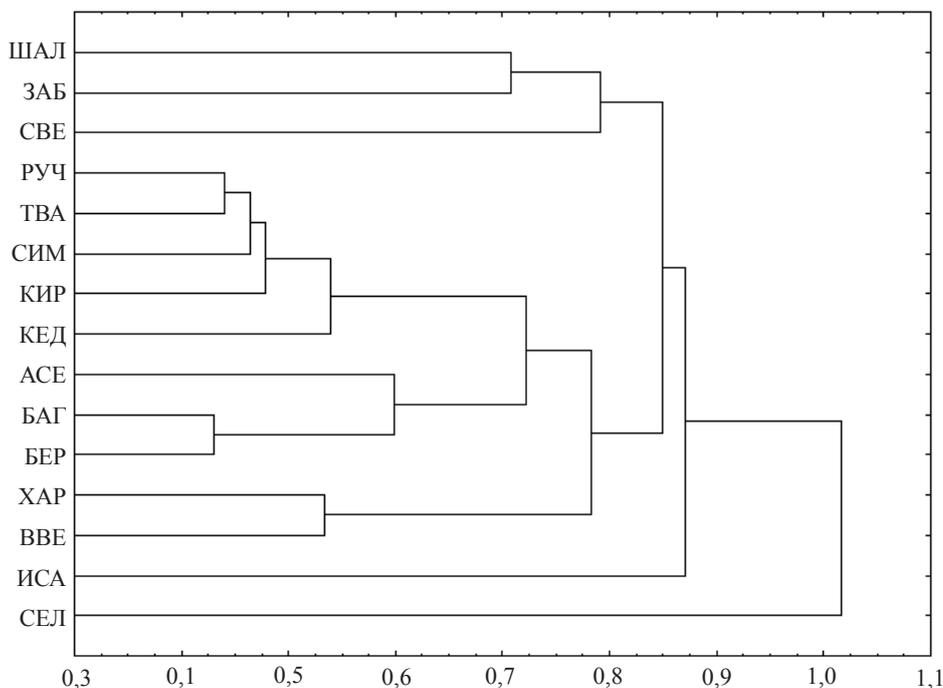

Рисунок. Дерево кластеризации русских поэтов 20–50-х гг. XX в.

В меньшую из них входят М. А. Светлов, Н. А. Заболоцкий, В. Т. Шаламов. Каждый из этих поэтов по-своему специфичен. М. А. Светлов сочетал в своих произведениях эмоциональность, мечтательность романтизма с реалистическим отображением действительности. Н. А. Заболоцкий, вначале склонный к эксперименту и пародии, на более поздних этапах творческого пути наполняет свои произведения философским содержанием, становится ближе к русской литературной традиции, классике. Поэзия В. Т. Шаламова довольно своеобразна, в ней прослеживаются и отголоски Серебряного века, и идеи формализма, ее язык близок к разговорному. Пожалуй, единственное, что может объединять этих авторов, – значительное влияние творчества футуристов, и прежде всего В. В. Маяковского.

Большая группа, в свою очередь, распадается на два существенно различающихся по числу авторов кластера более низкого уровня. В один из них попадают А. И. Введенский и Д. И. Хармс, являющиеся представителями одного и того же поэтического направления – обэриу, что закономерно отражается на общности стиля, тематики, а соответственно, и сходстве маркемной лексики. Более крупный кластер распадается на два кластера низшего уровня. Один из них включает Н. Н. Асеева, Э. Г. Багрицкого, О. Ф. Берггольц. Эти поэты на первый взгляд также малосхожи. Н. Н. Асеев – представитель футуризма, стремившийся к новаторству в поэзии, вместе с тем многие из его произведений проникнуты песенной интонацией и тесно связаны с фольклором. Э. Г. Багрицкий разделял идеалы конструктивизма, его произведениям свойственны романтичность и оптимизм. Творчество О. Ф. Берггольц отличается глубокой искренностью, лиричностью и трагизмом. По-видимому, общими для всех этих авторов является ораторская интонация ряда произведений, а также общее настроение надежды, веры в лучшее. Второй кластер объединяет Б. А. Ручьёва, А. Т. Твардовского, К. М. Симонова, С. И. Кирсанова и Д. Б. Кедрина. Из перечисленных авторов наиболее близкими друг к другу оказываются Б. А. Ручьёв и А. Т. Твардовский, сходные по простоте стиха, близости его к народному творчеству, реалистичности и жизненности изображения. К этим поэтам примыкает К. М. Симонов, отражавший в своих произведениях важнейшие вопросы современной ему эпохи. Несколько дальше от них на дереве кластеризации расположен С. И. Кирсанов, в ранний период своего творчества стремившийся к новаторству, словесной игре, но позднее склонный к большей ясности, прозрачности смысла. Наконец, особняком в данном кластере стоит Д. Б. Кедрин, отличающийся от большинства поэтов периода частым обращением к исторической тематике.

Рассмотрим поэтов 20–50-х гг. XX в. с точки зрения влияния их маркемных систем на общепериодическую маркемную картину. У каждого из исследованных нами авторов можно выделить специфические черты маркемной лексики. В частности, одной из особенностей маркемного списка А. И. Введенского является наличие артефактов-символов (*зеркало, кладбище, свеча*), практически не встречающихся у большинства представителей изучаемого хронологического среза. Н. Н. Асеев отличается исключительно обширной группой маркем, описывающих чувственно воспринимаемые свойства окружающего мира (восемь слов), причем в этой категории в равной степени представлены зрительные (*блистание, сумрак, блеск*) и слуховые (*шелест, свист, грохот*). У Э. Г. Багрицкого данная маркемная категория тоже довольно велика, но предпочтение отдается характеристикам звука (*дребезжание, свист, шипение, тишина*). У Б. А. Ручьёва эта группа интересна наличием гипермаркемы ‘холод’ (*холод, стужа, мороз*). Отличительной чертой маркемной системы Д. И. Хармса является чрезвычайно большое число маркем, описывающих физический облик человека (девять слов: *голова, глаза, лицо, затылок, волосы, грудь, плечо, рука, тело*). Другие поэты изучаемого хронологического среза с хорошо развитой группой описания внешности – С. И. Кирсанов, М. В. Исаковский, Н. А. Заболоцкий. Н. А. Заболоцкий отличается также широким спектром маркем, обозначающих небо (*небо, небосвод, небосклон*). У М. В. Исаковского присутствует интересная особенность категории натурфактов: конкретные названия растений (*пшеница, черемуха*). Это утверждение справедливо и для И. Л. Сельвинского (*шиповник, ковыль*), тогда как для ряда авторов (Д. И. Хармс, А. И. Введенский, Э. Г. Багрицкий) характерны обобщенные наименования (например, *дерево, цветок*). У О. Ф. Берггольц особенно велика типичная для поэзии 20–50-х гг. XX в., но у большинства авторов довольно малообъемная категория слов, связанных с военно-патриотической тематикой (*родина, отчизна, народ, страна, война, победа*). Эта группа маркем отличается обширностью также у М. В. Исаковского, Д. Б. Кедрина, Б. А. Ручьёва. Особенностью маркемной системы М. А. Светлова является обилие маркем, связанных с понятием времени и положением в нем человека (*время, прошлое, будущее, современность*). Другой автор с нестандартной «временной» категорией – маркемами, обозначающими время суток (*вечер, день, ночь*) – К. М. Симонов. У В. Т. Шаламова присутствует маркемная группа, описывающая физическое состояние человека (*напряжение, изнеможение, здоровье*). Эта категория отмечена также у М. А. Светлова и, в меньшей степени, у Б. А. Ручьёва. У таких авторов, как Б. А. Ручьёв, М. А. Светлов, О. Ф. Берг-

голец, М. В. Исаковский, присутствует маркемная группа возрастных обозначений (наиболее типичными ее элементами являются *молодость* и *юность*). У А. Т. Твардовского есть ряд маркем, связанных с морально-нравственными нормами (*раскаяние, расплата, приговор, порядок*). У И. Л. Сельвинского, в отличие от большинства поэтов исследуемого хронологического среза, богато представлена группа эмоциональных маркем (*счастье, веселье, радость, улыбка, страх, чувство, сердце*). В маркемной лексике М. А. Светлова значительное место отводится человеческим взаимоотношениям (*свидание, разлука, любовь, ненависть, одиночество*). Однако, несмотря на значительное количество индивидуальных особенностей, язык поэзии 20–50-х гг. XX в. обладает с точки зрения маркемологии и рядом общих свойств. Прежде всего, это существенное снижение роли маркем, связанных с эмоциями и мышлением (исключение в данном случае представляет И. Л. Сельвинский с семью маркемами эмоциональной категории). Другая характерная и закономерная особенность – наличие слов, связанных с патриотической тематикой (в той или иной степени эта группа представлена у большинства авторов). Общей для всех представителей исследуемого хронологического среза является категория фундаментальных понятий, включающая четыре–пять маркем. Группа маркем, связанных с речевой коммуникацией (*разговор, слово* и т.п.) также хорошо представлена у большинства авторов изучаемого периода. Наконец, важнейшей особенностью маркемной лексики поэзии 20–50-х гг. XX в. является абсолютное преобладание категории натурфактов. По-видимому, такая важная роль этой маркемной группы обуславливается использованием пейзажных зарисовок не только самих по себе, но и для передачи

настроения, либо в качестве символического отображения ситуаций и событий в стране и мире. Количественные параметры, такие, как не слишком высокий показатель средней численности индивидуальных маркем (7,6) и большое число (6) маркем, используемых всеми авторами, также свидетельствуют о значительном единстве поэзии 20–50-х гг. XX в. В целом, таким образом, несмотря на кажущееся несходство идей существовавших в это время литературных направлений, маркемная лексика поэзии 20–50-х гг. XX в. отличается единообразием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашкина А. В. Критерии выделения маркем в русских поэтических текстах / А. В. Кашкина // Среди нехоженных путей : сборник науч. статей к юбилею доктора филол. наук, проф. А. А. Кретьова. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. – С. 300–306.
2. Кретьов А. А. Метод формального выделения тематически нейтральной лексики : на примере старославянских текстов / А. А. Кретьов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия : Системный анализ и информационные технологии. – Воронеж, 2007. – № 1. – С. 81–90.
3. Кретьов А. А. Сквозь призму маркем : Н. В. Гоголь в ближайшем контексте русской литературы / А. А. Кретьов, М. В. Катов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2009. – № 2. – С. 12–21.
4. Кретьов А. А. Кластерный анализ массива маркем русских писателей / А. А. Кретьов, Г. Д. Селезнев // Проблемы компьютерной лингвистики : сборник науч. трудов. – Воронеж, 2010. – Вып. 4. – С. 272–280.
5. Кашкина А. В. О классификации маркем / А. В. Кашкина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2011. – № 1. – С. 97–100.

Воронежский государственный университет

Кашкина А. В., преподаватель кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: shtil72@yandex.ru

Voronezh State University

Kashkina A. V., Lecturer of the Translatology and Cross-Cultural Communication Department

E-mail: shtil72@yandex.ru